

ИДЕИ И ИДЕАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3(21) т. 2

ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО

2014

<http://ideaidealy.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-34262 от 26 ноября 2008 г.)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)
Новосибирский государственный университет экономики и управления – НИНХ (НГУЭУ–НИНХ)

СОДЕРЖАНИЕ

Забывтая война. К 100-летию Первой мировой

- Н.В. Суржикова.** Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции 5
Г.А. Еременко. Трагический след Первой мировой войны в европейском искусстве и музыке 13
Ю.В. Антипова. Забытые песни Великой войны 23
Е.С. Царева. Участие военнопленных Первой мировой войны в музыкальной жизни Красноярска 31

Философская традиция и современный мир

- Д.С. Хаустов.** Теорема Томаса: жизнь одной идеи 38
А.Г. Горбачева. Особенности письменных жанров в эпоху сетевых технологий (языковые идентичности и их метаморфозы) 46
М.П. Данилкова. Человек в лабиринте ценностей 55
И.В. Дёмин, Н.М. Богданова. Трактовка природы в философии русского космизма 63

Проблемы современной экономики

- В.М. Гильмундинов.** Структурные особенности динамики экономики России в 2000–2013 годах и перспективы ее дальнейшего развития 73
Н.Г. Низовкина. Фундаментальные изменения в экономике предприятия 86
Ж.Т. Конурбаева, А.М. Закимова. Определение потенциала рынка вторичного сырья животноводства как основы диверсификации АПК 94
О.Ю. Рыжков. Какой размер собственного капитала необходим страховой компании? 107

Исследуем современное общество

- Т.Г. Недзелюк.** Гендерные стратегии и практики сибирских католиков 115
Е.Ю. Сементовская. Социальная адаптация пожилых людей сельских поселений Новосибирской области 125
Е.В. Гребенкина. Проблема сетевого взаимодействия в международных отношениях 134

Проблемы искусствоведения

- М.Г. Карпычев.** Эмоциональный аспект преобразующей функции музыкального искусства 143
А.Н. Пронина. Механизм и формы проникновения органной культуры в Сибирь XIX – первой четверти XX века 152
М.А. Грушицкая. Интерпретации импрессионизма русскими поэтами на рубеже XIX–XX веков 165

История отечественного образования

- В.В. Лобанов.** Медико-педагогические идеи В.С. Пирусского 173

Наши авторы 185

Информация для авторов 187

ISSN 2075-0862
Index of Rospechat' - 37150
Included into the list of the Supreme
Certification Commission of Russian Federation

IDEAS & IDEALS

SCIENTIFIC JOURNAL

No 3(21) v. 2

PUBLISHED QUARTERLY

2014

<http://ideaidealy.ru>

The journal is registered by Federal Service on Supervision in the Sphere of Communication
and Mass Communications
(Certificate of Registration PI No FS 77-34262, 26 November 2008)

FOUNDERS:

Novosibirsk State Technical University (NSTU)
Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM)

CONTENT

Forgotten War. The 100th Anniversary of the First World War

- N.V. Surzhikova.** Russian captivity of 1914–1917:
the problem of institutional attribution 5
- G.A. Eremenko.** Tragic trace of the First World War
in European art and music 13
- Y.V. Antipova.** The forgotten songs of the Great War ... 23
- E.S. Tsareva.** The participation of POWs of the First
World War in the musical life of Krasnoyarsk 31

Philosophical Tradition and the Modern World

- D.S. Khaustov.** Thomas theorem: the life of one idea ... 38
- A.G. Gorbacheva.** Peculiarities of written genres in the
era of network technologies (language identities and
their metamorphosis) 46
- M.P. Danilkova.** Man in the maze of values 55
- I.V. Demin, N.M. Bogdanova.** The interpretation of na-
ture in the philosophy of Russian cosmism 63

Problems of the Modern Economy

- V.M. Gilmundinov.** Structural features of Russian eco-
nomy in 2000–2013 and the prospects for its further
development 73
- N.G. Nizovkina.** Fundamental changes in the economy
of enterprises 86
- Konurbayeva Zh.T., Zakimova A.M.** Identification of
recycled livestock market potential as the basis of
agro-industrial complex diversification 94

- O. Ryzhkov.** What is the size of equity capital required
for an insurance company? 107

Investigate Modern Society

- T.G. Nedzelyuk.** Gender policies and practices of the
Siberian Catholics 115
- E.Yu. Sementovskaya.** Senior people's social adapta-
tion in rural settlements of Novosibirsk region 125
- E.V. Grebenkina.** The problem of network interaction
in international relations 134

Problems of Art

- M.G. Karpychev.** The emotional aspect of the transfor-
ming function of music art 143
- A.N. Pronina.** Mechanism and forms of organ culture
penetration to Siberia between the XIX and the first
quarter of the XX century 152
- M.A. Grushitskaya.** Impressionism interpreted by
Russian poets at the break of the XIX–XX centuries 165

The History of the National Education

- V.V. Lobanov.** V.S. Pirussky's medical and pedagogical
ideas 173

Contributors 185

Information for Contributors 187

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 94(470)19)

РОССИЙСКИЙ ПЛЕН 1914–1917 ГГ.: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ

Н.В. Суржикова

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург

snvplus@mail.ru

В статье рассматривается проблема применимости термина «лагерь» для описания структур, созданных для военнопленных Первой мировой войны в России. Использование понятия «лагерь» современниками, констатирует автор, являлось лишь негласной конвенцией. На самом деле институциональная среда плена, помимо собственно лагерей, была представлена различными структурами, артикуляция которых проблематична из-за очевидной аморфности как «лагереобразных», так и «внелагерных» объективаций плена. Это особенно актуально применительно к пребыванию пленных на промышленных, строительных и сельскохозяйственных работах, а также транспорте, где условия содержания обезоруженных вражеских военнослужащих значительно отличались друг от друга. В этой связи унифицирующий потенциал термина «лагерь» не просто не очевиден – он представляется весьма сомнительным и явно требует своей конкретизации. В условиях очевидной проблемности концепта «лагерь» автор предлагает говорить о процессе «лагеризации» плена, определяя его градус развитостью или неразвитостью практик.

Ключевые слова: Первая мировая война, российский плен, военнопленные, институциональная среда, лагерь, места постоянного водворения, лагеризация.

Тема российского плена 1914–1917 гг. безусловно не относится к числу «заповедных». Посвященные ей работы исчисляются сотнями, что создает обманчивое впечатление освоенности ретроспективной проблематики [21, с. 16–73, 374–408]. Впечатление это тем более усиливается, что основой для специальных работ на тему плена является бесконечно богатый источниковый материал, представленный документами многочисленных архивов. Благодаря их источникам, из документа в документ рутинно воспроизводящим термин «лагерь», он при анализе реалий российского плена 1914–1917 гг. остается наиболее употребляемым. Наиболее активно им «злоупотребля-

ют» западные историки, что обусловлено, по всей видимости, относительно устойчивой немецкоязычной традицией изучения отдельных лагерей пленных Первой мировой войны [27, 29, 30, 32, 34, 36, 37]. Между тем при более пристальном рассмотрении названных выше источников трудно не заметить, что использование понятия «лагерь» для описания структур, созданных в годы Первой мировой войны для содержания пленных иностранцев, являлось не более чем негласной конвенцией и потому институциональной среды российского плена в полной мере не раскрывает. Действительно, по сведениям Военного ведомства, для оказавшихся в России сотен тысяч

вражеских военнопленных к началу 1916 г. было оборудовано порядка 250 пунктов приема и содержания, среди которых выделялись сборные пункты театра войны, внутренние сборные пункты, концентрационные лагеря и так называемые места постоянного водворения, подразделявшиеся на районы размещения офицеров и районы размещения нижних чинов [19, л. 1–6 об., 12–13]. Альтернативные источники свидетельствуют, что даже если объединить все перечисленные структуры понятием «лагеря», институциональная среда российского плена все равно останется не до конца описанной. Так, по данным, полученным австро-венгерской цензурой на основе анализа писем пленников, уже в 1915 г. военнопленные в России были размещены не менее чем в 891 месте, из которых только 317 позиционировались как «места постоянного водворения» и только 68 – как лагеря [35, с. 89]. Как же артикулировать оставшиеся порядка 500 прибежищ пленников, если это были не концентрационные лагеря и не поуздно расположенные места водворения узников войны?

Речь в данном случае шла, вероятно, о местах работ, на которых пленные иностранцы начали активно использоваться с 1915 г. Очевидно при этом, что те структуры, которые возникали непосредственно в районах трудового использования отвоёванных солдат противника, лагерями военнопленных могли и могут именоваться лишь условно. Это была альтернативная лагерям, параллельно созданным по линии военного ведомства, сеть мест водворения военнопленных, конфигурации которой определяли региональные экономические элиты, активно пользовавшиеся возможностью вовлечения пленных в трудовые процессы. Подавляющее большинство трудо-

вых лагерей военнопленных (за исключением тех, которые возникли при казенных предприятиях), таким образом, оказалось выведено из прямого подчинения государству и без сомнения являло собой весьма пеструю картину, с трудом поддающуюся реконструкции. Распределенные по малым, средним и крупным предприятиям пленные оказывались зачастую в совершенно разных условиях содержания и обеспечения, задаваемых не столько диктуемой «сверху» логикой их унификации, сколько характером и возможностями того или иного хозяйствующего субъекта. «Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных местностях Империи», – гласил циркуляр Министерства торговли и промышленности от 27 июня 1916 г. [7, л. 19–20]. Время показало, что ни этот документ, ни его многочисленные более поздние аналоги, нацеленные на наведение в деле администрирования труда и жизнеобеспечения пленных хотя бы относительного порядка, ситуации не изменили. «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно», – не без некоторого уныния констатировал 17 октября 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа [7, л. 124].

Унифицирующий потенциал термина «лагерь», используемого для описания реалий российского плена, покажется еще более ничтожным, если принять во внимание тот факт, что порядка 60 % всех пленных в России использовалось на сельскохозяйственных работах [2, с. 96; 13, с. 55]. «Выпавшие» таким образом из лагерных струк-

тур пленники зачастую становились едва ли не полноправными членами крестьянских семей и тем самым подвергали сомнению не только «лагерность» плена, но и «пленность» как таковую [12; 15; 16]. В этой связи вполне уместно процитировать военнопленного мадьяра Имре Беретваш, который, ходатайствуя о советском гражданстве в 1926 г., в частности, писал: «В деревню Мишагину [Шадринского уезда Пермской губернии – С.Н.] я приехал ... как военнопленный, ... на полевые работы ... Нас приезжало четыре человека, я ... оставался работать у гражданина Мишагина Василия Григорьевича, но, побыв у него один месяц, перешел к гражданке Мишагиной Агафье Игнатьевне, у которой в то время мужа не было, потому я начал работать у нее в хозяйстве и до настоящего времени нахожусь у ней, потому как ее муж со службы не вернулся, и я с ней живу как с женой уже восьмой год...» [11, л. 7, 14].

Очевидная узость «лагерного дискурса» экспонирует тот факт, что территория российского плена 1917–1917 гг. не отличалась однородностью, будучи изрезана всевозможными границами, фиксировавшими, в свою очередь, существование на этой территории своих центров и окраин, столиц и захолустий, метрополий и колоний. В их иерархии, формируя весьма причудливый рисунок плена, соседствовали самые разные структуры, в различной степени дистанцированные от лагерей, традиционно трактуемых в качестве «классической матрицы плена» (Г. Дэвис) [26, с. 167]. Стоит ли удивляться, что в литературно оформленных переживаниях оказавшихся в России узников войны плен, как подметили В. Мориц и Х. Лейдингер, выступал не столько как «жизнь лагеря», сколько как «история будней, подчиненных работе», ча-

стые перемены которой объясняли частую перемену мест [28, с. 17, 20, 21].

К слову сказать, вывод российского плена за пределы лагерных структур позволяет опровергнуть расхожее мнение зарубежных специалистов, в частности Р. Нахтигала, о запоздалом интересе к трудоиспользованию пленных в России и его более скромных масштабах, нежели, скажем, в Германии [31, с. 23–24]. На самом деле в этом отношении развитие российского плена вполне соответствовало «стандарту», выработанному в так называемых центральных державах, став уже с весны 1915 г. прагматически ориентированным, что позволило интегрировать в трудовые процессы порядка 89,5 % обезоруженных солдат противника, находившихся к 1 января 1918 г. на территории военных округов [4, л. 4]. В этой связи не будет преувеличением сказать, что, несмотря на системные, функциональные и логистические различия своих составляющих, институциональная среда российского плена ориентировала его прежде всего на определенную экономическую миссию, тогда как все его прочие «ипостаси» играли безусловно важные роли, остававшиеся, однако, ролями второго плана [22, с. 247–266; 23, с. 44–56].

Сообразуясь со всем вышесказанным, следует признать, что широкое употребление категории «лагерь» для описания природы и сущности российского плена 1914–1917 гг. в каждом конкретном случае требует своего пояснения. Вместе с тем с пригодностью термина «лагерь» для характеристики пребывания военнопленных Первой мировой войны в России можно согласиться не только при постоянных оговорках конкретизирующего плана. Думается, что понятие «лагерь» можно считать вполне рабочим при условии его использования не